

Лариса КОСОВА

Про опросы и массовое сознание

Vox populi, может быть, и Vox Dei, но достаточно беглого взгляда, чтобы понять — нет ни малейшего единодушия в том, что значит Vox и что значит Populus».

Генри Мэн¹

В последнее время результаты опросов общественного мнения пользуются повышенным вниманием как экспертного сообщества, так и средств массовой информации². Связано это с необычайно высокими цифрами, получаемыми в ответ на вопросы об уровне поддержки первых лиц государства и проводимой ими политики. Многочисленные объяснения причин наблюдаемого феномена можно свести к трем основным группам:

- все социологи — жулики, они просто рисуют те цифры, которые им велят;
- респонденты не искренны, они не говорят того, что думают (по разным причинам, в том числе из-за страха или попадая воронку так называемой «спирали умолчания»³);
- проклятая пропаганда совсем задурит людям голову.

Оставив в стороне первую группу объяснений (поскольку доводы, приводимые сторонниками этой позиции, отрицают наличие собственно феномена и не оставляют пространства для анализа и обсуждения), сосредоточимся на оставшихся.

Первое, что приходит на ум, когда слушаешь нынешние дискуссии, — полемически заостренная статья Бурдые «Общественное мнe-

ние не существует»⁴. Напомню, в своей работе Бурдые отмечает, что опросы общественного мнения являются инструментом политического действия. Пользуясь своим исключительным положением в коммуникационном и социальном пространстве, власть формирует в массовом сознании необходимые ей установки, а потом ссылается на них как основу легитимации своих действий. Бурдые пишет: ««Общественное мнение», демонстрируемое на первых страницах газет в виде процентов («60% французов одобрительно относятся к ...») есть попросту чистейший артефакт. Его назначение — скрывать то, что состояние общественного мнения в данный момент суть система сил, напряжений и что нет ничего более неадекватного, чем выражать состояние общественного мнения через процентное отношение». Фактически Бурдые дезавуирует базовый принцип проведения массовых опросов — **все** люди имеют свое мнение. Бурдые полагает, что «производство мнения» доступно не всем.

Позиция, выраженная в данной статье, соотносится с социологическими подходами, в рамках которых постулируется «дифференциация социальной деятельности». Иными словами, в обществе существуют группы, порождающие смыслы и образцы, существуют каналы трансляции этих ментальных конструктов, и есть реципиенты — социальные слои, воспринимающие и усваивающие транслируемые смыслы. Что же в этом случае замеряет исследовательская процедура, которая, возможно, носит не самое удачное название «опрос общественного мнения»? Фактически массовые опросы фиксируют распространенность вербальных стереотипов, усвоенных образцов, реакций на информационную картину мира. Иными словами, общественное мнение — отражение совокупности социально значимых источников авторитета. При этом понимание степени интериоризации и устойчивости зафиксированных стереотипов часто требует дополнительных усилий и не всегда может быть

¹ Цитируется по Prejudices. A Philosophical Dictionary. Nisbet R. et al.: Harvard Univ. Press, 1982. P. 249.

² Вот только некоторые примеры интересных материалов: статья Льва Шлосберга http://gubernia.pskovregion.org/number_763/01.php, интервью Дмитрия Орешкина <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1644914-echo/>, интервью Екатерины Шульман <http://echo.msk.ru/programs/exit/1636830-echo/>.

³ «Спираль умолчания» — термин, введенный немецким социологом Нозль-Нойман. С ее точки зрения есть ситуации, когда респонденты склонны не столько высказывать свое мнение, сколько присоединиться к позиции значимого большинства, причем на каждом следующем витке спираль расширяется. Часто этот термин переводят как «спираль молчания», но такой перевод кажется мне не совсем точным: респонденты не молчат — они отвечают на вопросы, но выражают социально-одобряемую, с их точки зрения, позицию.

⁴ Бурдые П. «Общественное мнение не существует» // Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. / — М.: Socio-Logos, 1993.

достигнуто в рамках опросного инструментария.

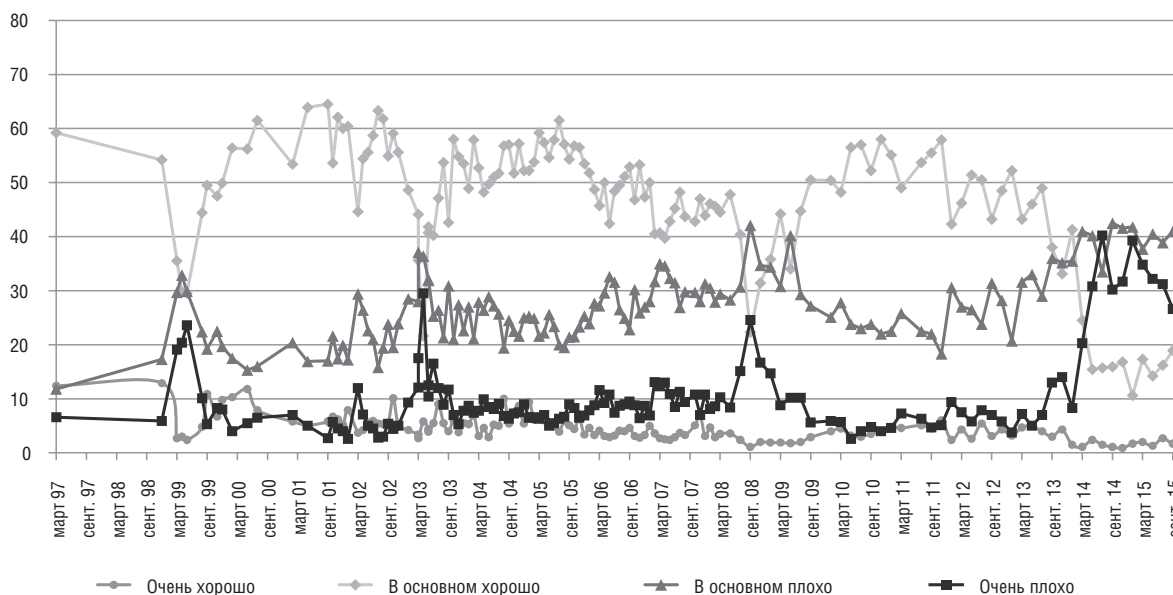
Почему важно измерять и фиксировать эти «навеянные» состояния? Сошлемся на Герберта Блумера¹. Он отмечал, что массовое поведение выстраивается на основе индивидуальных выборов, а не согласованного действия. Эти выборы являются откликом на не всегда осознанные, неясные порывы и эмоции, пробуждаемые объектом интереса. Если поведение массовых социальных акторов совпадает, то их влияние становится значительным. Блумер считал, что именно совпадение индивидуальных выборов делает разрозненную массу силой.

Чтобы объяснить процесс формирования общественного мнения, Блумер вводит понятия «заинтересованные группы» и «корпус зрителей». С его точки зрения, заинтересованные группы, «имея непосредственную частную озабоченность», стремятся сформировать мнения незаинтересованных людей, неважно, касается это вопросов политики, рынка или жизни местного сообщества. При этом «...усилия, предпринимаемые заинтересованными группами с целью оформления общественного мнения, могут в первую очередь быть попытками возбудить или установить некие эмоциональные установки или же снабдить дезинформацией. Именно эта черта заставила многих исследователей общественного мнения отрицать его рациональный характер и подчеркивать его эмоциональную и иррациональную природу».

Рациональную природу массовому мнению, с точки зрения Блумера, придает свободная общественная дискуссия, в ходе которой обсуждаются противостоящие позиции и эффективность которой зависит от доступности средств массовой коммуникации. Любая «заинтересованная группа» будет стремиться прибегнуть к пропаганде, но пропаганда опасна, только когда она является единственной.

Удерживая в голове сказанное классиками, вернемся к нынешним дискуссиям. О чем говорят полученные в ходе опросов цифры? Как их следует интерпретировать? Если принять позицию Блумера, зашкаливающий уровень поддержки первых лиц и их политики главным образом говорит об исчезновении конкурирующих групп интересов, имеющих возможность обратиться к «корпусу зрителей». В российском коммуникативном пространстве осталась фактически одна «заинтересованная группа», имеющая каналы доступа к массовому социальному актору. Массовое сознание воспроизводит позицию оставшегося единственным источника авторитета, опросы фиксируют данную реакцию. При этом важно подчеркнуть, что нельзя лишать полученные в ходе опросов цифры статуса подлинности: они отражают нынешнее состояние дел (можно сказать – умов). Другой вопрос, насколько устойчива сформированная таким образом совокупность стереотипов. Ответить на этот вопрос помогут данные.

Рисунок 1
КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ?

¹ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994

На рис. 1 визуализированы ответы респондентов на вопрос об их отношении к Америке¹. Понятно, что лишь для незначительной доли участников исследования Америка является элементом их повседневности, попадает в сферу их личных компетенций — они либо побывали там, либо имеют опыт общения с живущими там друзьями и родственниками. Для большинства респондентов реальную Америку заменяет некий символ, ментальный конструкт, отношение к которому и замеряют опросы.

Как видно из рисунка, отношение это нейтрально-доброжелательное: практически всегда доля ответов «мое отношение к Америке скорее позитивное» существенно превосходит долю ответов «мое отношение к Америке скорее негативное». Но есть несколько провалов «доброжелательства». Первый из них — 1999 год, время войны в Югославии. Почти четверть опрошенных заявила, что «к Америке относится очень плохо», еще треть выбрала позицию «в основном плохо». Однако проходит меньше года, меняется тональность информационных сообщений, и показатели доброжелательного отношения к Америке поднимаются до самых высоких значений за все время доступных нам наблюдений. В 2000-2002 году доля позитивных оценок в отношении к Америке примерно в три раза превосходит долю негативных.

В 2003 году США начинают операцию в Ираке, которая попадает в центр внимания российских СМИ. На фоне активной пропаганды уровень позитивного отношения к Америке снижается, но как только военная операция США уходит из сферы внимания средств массовой коммуникации, в массовом сознании практически не остается и следа от интенсивного информационного воздействия, показатели возвращаются к практически прежним значениям. Следующая волна роста негативных оценок начинается в 2006 году и достигает своего пика в 2008. Понятно, что в рамках столь длительного промежутка времени действовали разные информационные факторы — задача их полного обзора и анализа выходит за рамки данной статьи. Назовем лишь некоторые, оказавшие, с нашей точки зрения, основное влияние на риторику СМИ и результаты опросов. Прежде всего, это смерть в марте 2006 года Сло-

бодана Милошевича в гаагской тюрьме, что повлекло всплеск обвинений как в адрес Международного трибунала по бывшей Югославии, так и в адрес Запада в целом. Политика изменения отношений с Западом была закреплена в речи Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 года. Вот некоторые цитаты²:

- «...отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам»;

- «У нас ВТС, военно-техническое сотрудничество, с Ираном минимальное. Просто минимальное. Там оно исчисляется я не знаю какими цифрами. Вообще мы в регион Ближнего Востока в разы поставляем вооружения меньше, чем другие страны, и в том числе Соединенные Штаты. Просто в разы — никакого сравнения нет»;

- «Да, Соединенные Штаты не разрабатывают якобы наступательного оружия. Во всяком случае, общественности об этом неизвестно. Хотя наверняка разрабатывают»;

- «Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. Что здесь происходит на самом деле?.. Давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой — не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль».

Эта риторика определила тональность информационных сообщений, что, в свою очередь, сказалось на результатах опросов. Позитивные оценки отношения к Америке снижаются, пик падения приходится на 2008 год — время войны с Грузией. Однако уже в 2010 году показатели возвращаются практически к прежним значениям.

Начало очередного цикла снижения «доброжелательности» становится заметно в конце 2011 года на фоне избирательной кампании и последовавших за ней протестных митингов, организация которых ставилась в вину Америке. Массовые настроения обретают определенность в 2014 году на фоне беспрецедентной пропагандистской кампании, порожденной событиями на Украине и в Крыму. Такого уровня резко негативного отношения к Америке не фиксировалось ни разу за все время наблюдений: 40% ре-

¹ Используются результаты исследования «Курьер» Левада-центра. Все опросы проводились по сопоставим случайным выборкам, число опрошенных составляет примерно 1600 в каждой волне. Данные с 1999 по 2013 получены из Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ <http://sophist.hse.ru/>, доступ к данным свободный. Данные за 1997-1998 и 2014-2015 годы предоставлены Левада-центром.

² Цитируется по <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

спондентов отмечают, что относятся к Америке «очень плохо». Однако последние замеры уже фиксируют снижение негативных настроений.

Иными словами, как только прекращается интенсивное информационное воздействие, отношение к «Америке» возвращается к нейтрально-доброжелательным показателям. Означает ли это, что данные, получаемые в ходе опросов, были фальсификатами? Нет, они отражали реальное состояние массового сознания. Другое дело, что отношение массового актора к предмету вне сферы его повседневных практик и компетенций неустойчиво и в значительной степени определяется внешним воздействием. Липпман отмечал¹, что за пределами непосредственного личного опыта возможности рядового гражданина весьма ограничены и определяются «рациональностью неосведомленности». Кроме того, репрезентация внешнего мира обуславливается состоянием медиапространства, в том числе размытием границ между новостями и пропагандой.

Важно отметить еще один факт – массовое сознание пластично, оно не обладает необходимыми структурами «жесткости», памятью о трансформации, которые позволили бы удерживать «бывшее» и свое отношение к нему. Отсюда та легкость изменения позиций, которую фиксирует рис. 1. Уходит воздействие – восстанавливается прежнее состояние. Приведенный график, с нашей точки зрения, показывает, что станет с «рейтингом Путина», если состояние коммуникативной среды изменится.

Возникает вопрос, изоморфно ли символическое пространство? Иными словами, в любом ли направлении можно надуть «пузырь единоклассия»? Или есть символы, которые не смогут получить массовой поддержки, пусть даже и декларативной? В конце 1980-х – начале 1990-х и в российском обществе в целом, и в исследовательских кругах в частности была высока уверенность в демократичности массового сознания, распространенности и значимости демократических ценностей. Эти настроения в известной степени опирались на результаты опросов. Так, авторы совместного советско-американского проекта, осуществленного в 1990 году и посвященного изучению политических ценностей россиян, пишут о «наличии среди советских граждан широкой поддержки демократических ценностей, значительно даже большей, чем первоначально предполагалось»². Но, глядя

¹ Уолтер Липпман. Общественное мнение. М., Институт Фонда «Общественное мнение», 2004

² От тоталитарных стереотипов к демократической культуре: Аналит. обзор социол. исслед. массового сознания современ. сов. общества /

из сегодняшнего дня, понимаешь, что уровень поддержки демократии оценивался в неверных координатах, что подтверждается событиями последнего времени. Так, постоянное сокращение гражданских свобод не вызывает массовых протестов. Более того, на протяжении как минимум полутора десятков лет россияне имели доступ к альтернативным интерпретациям политической действительности, однако именно авторитарная, силовая политика по-прежнему находит значимую поддержку. С нашей точки зрения, доля людей мотивированных *идеологически*, осознанно разделяющих демократическую систему ценностей, как бы парадоксально это не звучало, не была высокой в 1980-е, на пике энтузиазма и гражданской активности, не высока она и сейчас. Не любовь к демократии выводила людей на площади, а желание состояться. Раскол плиты тоталитарного контроля подарил надежду на успешное изменение жизненных обстоятельств, вне зависимости от системы взглядов. «Демократические настроения» носили размытый характер общего желания перемен³, за ними не стояло понимание необходимости формальных процедур, сути демократических институтов. Словом «демократия» респонденты называют тот период исторического времени, когда им удалось наиболее успешно реализовать свой жизненный проект⁴.

До известной степени аналогичные настроения можно наблюдать в экспертной среде и сейчас, когда звучат слова о том, что достаточно дать представителям либерально-демократической общественности слово на телевизионных каналах, и массовые представления изменятся. Не станем недооценивать значения пропаганды – о ее роли уже сказано выше, но будет ли массовое сознание так же отзывчиво на предлагаемую систему либеральных ценностей? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к данным 1994 года⁵. В опросе участвовали только городские жители, то есть наиболее современные группы общества, обладающие большим социальным капиталом и большим пространством выбора. Городское население принято считать

АН СССР, ИНИОН, Ин-т социол., Центр общечеловеч. ценностей; [Подгот. Д. Гибсон и др.], М. ИНИОН 1991, С.65

³ Вспомним песню Виктора Цоя «Перемен» – своего рода гимн перестройки.

⁴ Подробнее см. Косова Л.Б. «Идолы площади» // «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», 2008, №1, с.59-64.

⁵ Исследование «Экспресс 94-5» проведено АНО «Левада-центр» в мае 1994 года, опрашивалось городское население по репрезентативной выборке, N=1604. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ <http://sophist.hse.ru/>, доступ к данным свободный.

источником модернизации. Кроме того, в начале 1990-х состояние медиа-пространства разительно отличалось от нынешнего, и перекося в пропагандистских усилиях, если он и присутствовал, был, скорее, перекося в сторону либеральной системы взглядов.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Что из того, что перечислено на этой карточке, кажется вам сейчас наиболее важным для России и ее будущего?»¹ Респонденту показывали карточку, он мог выбрать несколько ответов. Результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1.
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС, ЧТО КАЖЕТСЯ ИМ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ ДЛЯ РОССИИ И ЕЕ БУДУЩЕГО (множественный выбор, в %)

Правопорядок и законность	55
Социальная защита населения	41
Сильная власть, настоящий лидер	33
Социальная справедливость	28
Соблюдение основных прав и свобод человека	27
«Твердый», свободно конвертируемый рубль	27
Добрососедские отношения с разными народами и странами	21
Свободная рыночная экономика	16
Подлинная демократия	16
Русское национальное государство	11
Восстановление государственной плановой экономики	9
Восстановление советской власти	8
Восстановление единого государства в границах бывшего СССР	6
Другое	2
Затрудняюсь ответить	5

Таблица 2.
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ, ВЫБРАВШИХ ОДНОВРЕМЕННО ПОЗИЦИЮ «ПРАВОПОРЯДОК И ЗАКОННОСТЬ» И ПОЗИЦИЮ «СОБЛЮДЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА» (процент по строке)

	Соблюдение основных прав и свобод человека являются важным для будущего России – выбрано	Соблюдение основных прав и свобод человека являются важным для будущего России – НЕ выбрано	Всего
Правопорядок и законность являются важным для будущего России – выбрано	30	70	100%
Правопорядок и законность являются важным для будущего России – НЕ выбрано	26	74	100%

Максимальную поддержку в предложенном контексте подсказок получила позиция «правопорядок и законность», что часто интерпретируется как признак правового сознания. Но так ли это? Массовые опросы фиксируют реакции на «вербальные раздражители», маркирующие, размечающие когнитивное и символическое пространство респондентов. Не случайно исследователи разделили позиции «правопорядок и законность» и «соблюдение основных прав и свобод человека». Казалось бы, соблюдение прав и свобод личности – основа правопорядка, смысл закона. Но полученные результаты показывают, что в массовом сознании эти концепты разнесены. Важность позиции «правопорядок и законность» для будущего России отметили 55%, тогда как «соблюдение основных прав и свобод человека» выбрали только 27%. В табл. 2 приведено пересечение этих позиций. Мы видим, что менее трети респондентов, посчитавших, что правопорядок и законность важны для будущего России, придерживаются той же позиции в отношении соблюдения основных прав и свобод человека. Примерно такое же распределение долей сохраняется и для другой строки таблицы. То есть, нет связи между высказыванием «правопорядок и законность важны для будущего России» и высказыванием «соблюдение основных прав и свобод человека важно для будущего России»². Правопорядок касается соблюдения «государственных» интересов, а не прав личности. Базовый демократический принцип не включается в сферу законности и не кажется важным для будущего России.

Обратим внимание еще на одну особенность полученных результатов: третью строку в полученном списке рангов занимает позиция «сильная власть, настоящий лидер». Для бо-

¹ Полная формулировка вопроса с соблюдением порядка подсказок приведена в Приложении 1.

² Значение коэффициентов парных связей, рассчитанные для всех позиций анализируемого вопроса, приведены в Приложении 2. Статистически значимой связи между позициями, приведенными в Таб.2, не зафиксировано.

более наглядного выявления контекста построим граф, визуализирующий отношения между подсказками анализируемого вопроса на основе коэффициентов парных связей (см. рис. 2). Сплошная линия означает позитивную связь, пунктирная – негативную.

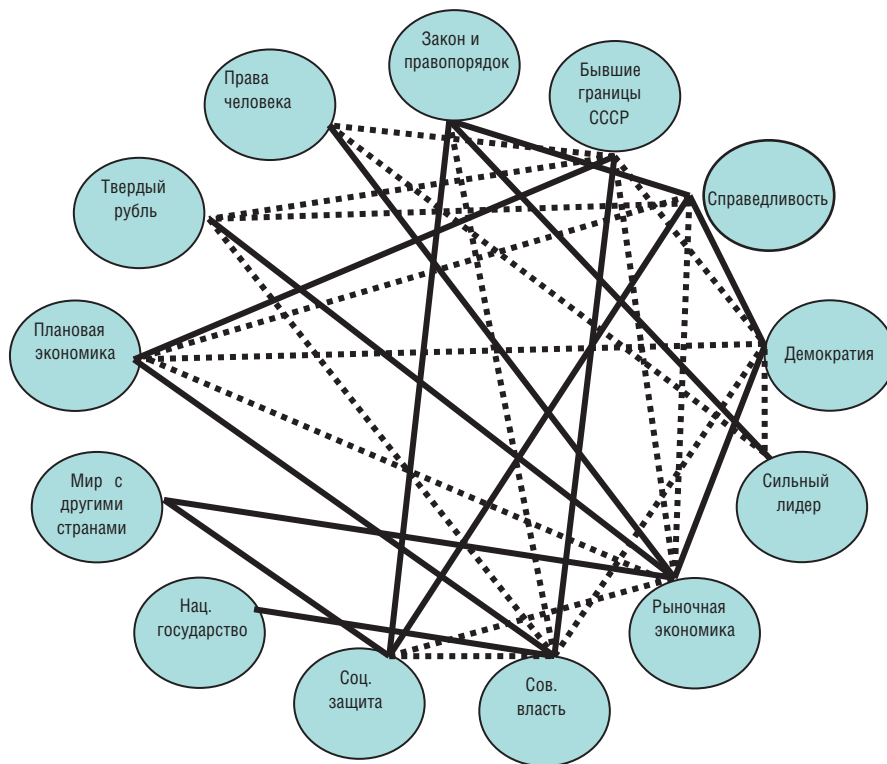
Разные узлы графа имеют разную нагрузку. Так, наибольшее число связей имеет позиция «свободная рыночная экономика». Этот маркер оказался самым ассоциативно нагруженным. Он имеет статистически значимые положительные связи с позициями ««твердый» рубль», «свободно конвертируемый рубль», «соблюдение основных прав и свобод человека», «добрососедские отношения с разными народами и странами», «подлинная демократия» и отрицательные связи с позициями «социальная защита населения», «восстановление государственной плановой экономики», «восстановление единого государства в границах бывшего СССР» и «социальная справедливость». Даже простое сравнение долей показывает, что число тех, кто выбирает либерально-демократический контекст, ниже доли тех, кто подчеркивает важность социальной защиты и справедливости.

Устойчивую конструкцию образуют позиции «восстановление государственной плановой экономики», «восстановление советской

власти», «восстановление единого государства в границах бывшего СССР» – можно назвать этот треугольник фигурой советского реванша. Два вершины этого треугольника – два маркера утерянного советского мироустройства, «восстановление государственной плановой экономики» и «восстановление единого государства в границах бывшего СССР», – получают незначительную поддержку респондентов – 9% и 6% соответственно. Более того, они маргинализируются – эти позиции чаще выбирают пожилые респонденты (старше 55 лет), жители маленьких городов, рабочие. Однако у этой фигуры есть одно интересное ответвление – связь с позицией «русское национальное государство». Данный узел имеет только одну значимую связь, и это связь с позицией «восстановление советской власти». Иными словами, в массовом сознании существует значимая связка между советской властью и национальным русским государством.

Еще один устойчивый треугольник образуют позиции «правопорядок и законность», «социальная защита населения» и «социальная справедливость». Отметим, что в этом контексте нет места ни рынку, ни правам человека, ни демократии: рынок имеет отрицательные коэффициенты связи с позициями «социальная

Рисунок 2
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПОДСКАЗКАМИ ВОПРОСА «ЧТО ИЗ ТОГО, ЧТО ПЕРЕЧИСЛЕНО НА ЭТОЙ КАРТОЧКЕ, КАЖЕТСЯ ВАМ СЕЙЧАС НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ ДЛЯ РОССИИ И ЕЕ БУДУЩЕГО?»

защита населения» и «социальная справедливость», а его связь с позицией «правопорядок и законность» не является значимой. Отдельного упоминания заслуживает конфигурация связей узла «социальная справедливость»: у него негативные связи как с символами рыночной экономики (конвертируемый рубль, свободная экономика), так и с символами советского мироустройства (плановая экономика). Массовый актер не маркирует ни тот, ни другой порядок как справедливый.

Позиция «сильная власть, настоящий лидер» одна из самых ненагруженных: у нее всего три статистически значимых связи, две из которых являются отрицательными – с узлами «соблюдение основных прав и свобод человека» и «подлинная демократия». Единственная позитивная ассоциация связывает этот узел с позицией «правопорядок и законность». То есть установка на обеспечения законности и правопорядка существует в контексте сильной власти, настоящего лидера. Этот контекст ясно показывает, что декларация важности правопорядка является не признаком правового сознания, а той самой связкой стереотипов, которая «выстрелила» высочайшими цифрами нынешнего рейтинга Путина: для будущего России важен порядок, который обеспечивается сильной властью/настоящим лидером и не имеет ничего

общего с обеспечением свобод и прав человека. Эта система установок не «наведена» средствами современной пропаганды, какой бы единственной, интенсивной и всепроникающей эта пропаганда не была. Массовое сознание было готово откликнуться на манок авторитарного порядка, и эта возможность была использована.

Любое информационное воздействие проходит через гребенку структур восприятия, оно ложится на уже существующие ментальные стереотипы, и статус «подлинного» получает только то информационное сообщение, которое не противоречит уже существующей картине мира, какой бы нелепой она не казалась внешнему наблюдателю. Отношение к власти, в том числе одобрение ее действий, определяется особенностями представлений о ее природе и нормативных функциях. Власть как безальтернативная фигура жесткого лидера, который сумеет обеспечить «правопорядок», – нормативное ожидание, происхождение которого сложнее, чем простая реакция на безальтернативную пропаганду. Мы имеем дело с проблемой смысловых, ценностных значений повседневного отношения к содержанию власти, которые не меняются по щелчку телевизионного переключателя, но, напротив, определяют восприятие и оценивание предлагаемых картин действительности.

Приложение 1.

ЧТО ИЗ ТОГО, ЧТО ПЕРЕЧИСЛЕНО НА ЭТОЙ КАРТОЧКЕ, КАЖЕТСЯ ВАМ СЕЙЧАС НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ ДЛЯ РОССИИ И ЕЕ БУДУЩЕГО? А ЕЩЕ?

1. правопорядок и законность
2. восстановление единого государства в границах бывшего СССР
3. социальная справедливость
4. подлинная демократия
5. сильная власть, настоящий лидер
6. свободная рыночная экономика
7. восстановление советской власти
8. социальная защита населения
9. русское национальное государство
10. добрососедские отношения с разными народами и странами
11. восстановление государственной плановой экономики
12. «твердый» свободно конвертируемый рубль
13. соблюдение основных прав и свобод человека
14. другое
15. затрудняюсь ответить

Расчет коэффициентов парной связи (коэффициент корреляции Пирсона для дихотомических переменных)

правопорядок и законность	1	-0,45	,180(**)	,031	,115(**)	,029	-,052(*)	,097(**)	-,029	,001	-,012	,029	“Твердый” свободно конвертируемый рубль	свободное право и свобода человека
восстановление единого государства в границах бывшего СССР	-,045	1	,004	-,056(*)	,037	-,084(**)	,181(**)	-,031	-,034	-,014	,101(**)	-,098(**)	-,068(**)	
социальная справедливость	,180(**)	,004	1	,055(*)	,002	-,074(**)	-,013	,137(**)	-,030	-,009	-,061(*)	-,095(**)	-,034	
подлинная демократия	,031	-,056(*)	,055(*)	1	-,100(**)	,177(**)	-,085(**)	-,012	-,014	,020	-,080(**)	-,010	-,032	
сильная власть, настоящий лидер	,115(**)	,037	,002	-,100(**)	1	-,036	,033	-,033	,022	-,041	,023	,023	-,133(**)	
свободная рыночная экономика	,029	-,084(**)	-,074(**)	,177(**)	-,036	1	-,044	-,049(*)	-,027	,083(**)	-,052(*)	,107(**)	,069(**)	
восстановление советской власти	-,052(*)	,181(**)	-,013	-,085(**)	,033	-,044	1	-,063(*)	,061(*)	-,016	,068(**)	-,049(*)	-,033	
социальная защита населения	,097(**)	-,031	,137(**)	-,012	-,033	-,049(*)	-,063(*)	1	-,042	,065(**)	-,045	-,009	,036	
русское национальное государство	-,029	-,034	-,030	-,014	,022	-,027	,061(*)	-,042	1	,023	-,009	,001	,013	
добрососедские отношения с разными народами и странами	,001	-,014	-,009	,020	-,041	,083(**)	-,016	,065(**)	,023	1	-,022	,044	,008	
восстановление государственной плановой экономики	-,012	,101(**)	-,061(*)	-,080(**)	,023	-,052(*)	,068(**)	-,045	-,009	-,022	1	-,035	-,009	
“Твердый” свободно конвертируемый рубль	,029	-,098(**)	-,095(**)	-,010	,023	,107(**)	-,049(*)	-,009	,001	,044	-,035	1	,040	
соблюдение основных прав и свобод человека	,047	-,068(**)	-,034	-,032	-,133(**)	,069(**)	-,033	,036	,013	,008	-,009	,040	1	

** Корреляции значима на уровне 0.01.

* Корреляции значима на уровне 0.05.